

На правах рукописи

Цыбенов Базар Догсонович

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ДАУРОВ (XX в.)

5.6.2 – всеобщая история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Улан-Удэ – 2023

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном учреждении науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук

Научный консультант:

Базаров Борис Ванданович, доктор исторических наук, профессор, академик РАН

Официальные оппоненты:

Ларин Виктор Лаврентьевич, доктор исторических наук, профессор, академик РАН, ФГБУН Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН

Кадырбаев Александр Шайдамович, доктор исторических наук, ФГБУН Институт востоковедения РАН, ведущий научный сотрудник отдела истории Востока

Кузьмин Юрий Васильевич, доктор исторических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет», профессор кафедры мировой экономики и экономической безопасности

Ведущая организация:

ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова»

Защита диссертации состоится 30 июня 2023 г. в 10 ч. на заседании диссертационного совета 24.1.083.01 при Федеральном государственном бюджетном учреждении науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук по адресу: 670047, Российская Федерация, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6.

С диссертацией можно ознакомиться в Центральной научной библиотеке Федерального государственного бюджетного учреждения науки Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук (670047, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6) и на сайте www.imbt.ru.

Автореферат разослан 17 апреля 2023 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Жамсуева Дарима Санжиевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. История каждого народа, протекающая в едином русле мирового исторического процесса, тем не менее своеобразна и неповторима. По-своему уникальна и уходящая в глубину веков традиция дауров, тесно переплетенная с монголами, народами Сибири и Дальнего Востока, северо-востока Китая. На фоне тысячелетнего прошлого народа лишь малым фрагментом обозначена новейшая история дауров, волею времени и харизматичных деятелей обретшая свои неизгладимые и памятные штрихи.

XX век, особенно его первая половина, ознаменовался в мировой истории небывалыми прежде социальными катаклизмами и потрясениями в виде глобальных революционных движений и масштабных войн. Глобальные общественно-политические процессы неизбежно вовлекли в свою орбиту и монгольский мир, неся ему новые вызовы и в то же время перспективы. Оказавшись в зоне достаточно жесткого и длительного противостояния великих держав, вызванного ослаблением и последующим крушением одного из ключевых акторов международного взаимодействия – цинского Китая, народы монгольского корня безуспешно пытались возродить государственную независимость. Активное участие в этом процессе приняли и дауры, в первой половине XX в. еще считавшиеся неотъемлемой составной частью монгольского мира. Мировая общественность, за редкими исключениями в виде научных изысканий отдельных исследователей, в целом не подозревала о существовании дауров. В работах отечественных авторов их порой именовали «баргинцами» (что в принципе справедливо, поскольку отражает принадлежность дауров к региону – Барга – *авт.*), или баргутами. В период подъема национально-освободительного движения монгольских народов в первой трети XX в. в обиходе был термин «дагур-монгол» (в монгольском мире дауры известны под именем «дагур» – *авт.*), который ясно отражал их устремление стать неотъемлемым элементом нового независимого монгольского мироустройства. Это было время, когда Внешняя Монголия обрела неопределенный статус государства / автономии и было понятно, что с этого пути она уже не свернет. Поэтому все монгольское было чрезвычайно популярным на прилегающих к новому государственному образованию национальных окраинах Китая и России. Возникла ситуация, когда и сами дауры и дауров считали такими же монголами, как баргутов и бурят (проживающие в Китае и Монголии буряты считают себя бурятской этнической группой монгольской нации – *авт.*). Соответственно, история и культура дауров некоторое время рассматривались в русле общемонгольской историко-культурной традиции. Если

учесть современные обстоятельства, связанные с самостоятельным статусом дауров, то ныне возникает насущная необходимость в вычленении исторических событий первой трети XX в., связанных с участием даурских деятелей, и создании как можно более объективной картины новейшей истории народа. Лишь детальная реконструкция имен и биографий выходцев из дауров, осуществлявших свою деятельность в этот период, может помочь в восстановлении истинных масштабов участия дауров в национально-освободительном движении монгольских народов.

Большинство современных исследователей сходятся во мнении, что дауры были не монгольским, а монголоязычным народом, о чем красноречиво свидетельствуют яркие, специфические особенности в языке и культуре дауров, в ряде случаев, очевидно, очень глубокие, свидетельствующие о раннем отпочковании предков дауров от собственно монголов.

Китайцы в первой половине XX в., как рядовые граждане, так и исследователи, не выделяли дауров в качестве самостоятельного этноса. Не выделяли их и японцы в период Маньчжоу-Го. Ситуация изменилась в 50-х гг. XX в. с обретением даурами статуса официально признанного этноса. Даурская элита сыграла особую роль в установлении фактической независимости Хулун-Буира (Барги) в 1912 г. и процессе вхождения региона в состав Внешней Монголии, и последующих переменах в многогранных взаимоотношениях между Китайской Республикой, Россией и Внешней Монголией. Дауры как могли лавировали между ними.

Дауры были связаны с Россией, Коминтерном. Об этом отчетливо свидетельствуют факты их политической истории. Становление даурских революционеров и в целом националистического движения в Хулун-Буире переплетается с именами бурятских общественно-политических деятелей Э.-Д. Ринчино, Ц.-Е. Цыдыпова. Поэтому возникает насущная необходимость в изучении этих вопросов.

Степень научной разработанности темы исследования характеризуется наличием научных работ отечественных и зарубежных ученых. Подробному анализу историографии посвящен первый параграф первой главы диссертации. Массив отечественной научной литературы подразделен на дореволюционный, советский и современный периоды, каждый из которых дает свое видение новейшей истории Хулун-Буира, в целом Внутренней Монголии и северо-восточного Китая. Китайская историография, включая научную литературу на классической монгольской письменности, представлена преимущественно трудами даурских исследователей, освещающих многие аспекты новейшей истории и культуры дауров. В западной, японской и корейской историографии в основном изложены вопросы истории Маньчжурии и Маньчжоу-Го; монгольская историография делает

упор на участие Барги в национально-освободительном движении монгольских народов. Вопросы новой истории дауров и деятельность Мэрсэ отражены в немногочисленной по объему немецкой и чешской научной литературе.

Объект исследования – даурский социум как один из знаковых факторов социально-политической трансформации во Внутренней Азии в XX в.

Предмет исследования – политическая история дауров, социально-экономическое и культурное развитие даурских районов в XX в.

Цель работы – формирование целостной картины новейшей истории и культуры даурского народа с особым упором на выявление политической, социально-экономической и культурной составляющих.

Задачи работы:

– реконструировать историю формирования, расселения и социально-экономического положения этнотерриториальных групп дауров, на основе анализа новых архивных данных раскрыть взаимодействие даурских чиновников с российскими военными, эволюцию политических воззрений даурской элиты и народных лидеров, их отражение в социально-политических мероприятиях (1912–1930 гг.);

– дать общую характеристику социально-политической истории дауров в XX в. с учетом проблемы происхождения и выделения в виде отдельной народности – от возникновения фактически независимого Хулун-Буира в 1912 г. до создания даурских национальных автономий во второй половине XX в.;

– основываясь на российских и монгольских архивных материалах, установить деятельность даурской революционной молодежи и ее участие в работе Коминтерна, доказать гипотезу об ее содействии в партийном и государственном строительстве на территории МНР и Внутренней Монголии (1917–1930 гг.), включая работу по созданию Народно-революционной партии Внутренней Монголии (НРПВМ) и Народно-революционной партии Восточного края (НРПВК); баргинском восстании 1928 г.;

– выявить особенности общественно-политических, административно-территориальных и экономических нововведений в даурских районах в период правления Маньчжоу-Го; обосновать предположение об активизации партизанской и подпольной антияпонской борьбы дауров после казни Линшэна и его соратников в 1936 г.;

– с новых позиций трактовать основные события, связанные с участием дауров в гражданской войне, общественно-политическими, административно-территориальными и экономическими преобразованиями в даурских районах, уделяя главное внимание вопросам официального признания дау-

ров в качестве самостоятельной народности, политического и социально-экономического развития национальных автономий дауров;

– проанализировать процесс становления и укрепления системы школьного образования, проследить динамику подготовки национальных кадров в начальных, средних и высших учебных заведениях, дать оценку формированию новой культуры дауров в XX в. и определить основные направления и этапы культурного строительства.

Хронологические рамки исследования охватывают XX век. Нижние хронологические рамки (начало XX в.) обусловлены существенным ограничением внутренней автономии на национальных окраинах и началом колонизации Цинской империей районов, населенных даурами. В то же время в ряде случаев, когда затрагивается предыстория тех или иных исторических событий или для более точного понимания некоторых вопросов, нижняя рамка может опускаться до XVII в. и ранее. Верхние хронологические рамки, доходящие до конца XX в., связаны с завершением основных процессов становления даурских национальных автономий (даурский национальный район Мэйлисы был создан в 1988 г.), а также общей стабилизацией и улучшением социально-экономической жизни в даурских районах в 80–90-х гг. XX в.

Территориальные рамки исследования включают в себя территории КНР, населенные компактно проживающим даурским населением: даурский автономный хошун Морин-Дава городского округа Хулун-Буир, эвенкийский автономный хошун Автономного района Внутренняя Монголия, даурский национальный район Мэйлисы городского округа Цицикар провинции Хэйлунцзян, а также другие районы проживания малочисленных групп дауров в провинции Хэйлунцзян (Айгунь (совр. Хэйхэ), Хулан) и уезде Тачэн Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР.

Научная новизна диссертации заключается в том, что в ней комплексное исследование социально-политической истории даурского народа в XX в. впервые проведено на основе анализа отечественной и зарубежной (китайской, монгольской, англоязычной, японской, корейской, немецкой, чешской) научной литературы; широкого корпуса источников, включая опубликованные и неопубликованные архивные документы, материалы периодической печати, мемуары, полевые материалы автора. Был выявлен, исследован, систематизирован и введен в научный оборот массивный пласт документальных источников на русском языке и классической монгольской письменности, содержащийся в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ), Архиве внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), Центральном архиве Федеральной

службы безопасности (ЦА ФСБ), Монгол Улсын Үндэсний Төв архив (МУУТА) (Центральный национальный архив Монголии) и других архивах, что позволило существенно расширить фактологическую базу и провести реконструкцию многих аспектов социально-политической истории дауров в XX в. В работе, базирующейся на принципах историзма и объективности, реализован методологический синтез нарративного подхода к реконструкции исторических событий в даурских районах с широким кругом специальных исторических методов (сравнительно-исторический, конкретно-исторический, проблемно-хронологический, историко-генетический и др.) вкуче с применением новейших теоретических положений и понятийного аппарата исторической науки.

В диссертации показаны малоисследованные аспекты формирования этнотерриториальных групп дауров (бутхаские, цицикарские, хайларские, синьцзянские и др.) в увязке с социально-политическим и экономическим развитием конкретных регионов проживания, в которых в начале XX в. появились предпосылки для развертывания национально-освободительного движения. По-новому рассмотрено начало баргинского восстания 1912 г.: на основе материалов АВПРИ высказано предположение о взаимодействии даурских руководителей Шэнфу и Цэндэ с российскими офицерами и казаками Пограничной стражи Заамурского округа, завершившемся взятием повстанцами г. Хайлар в январе 1912 г. Впервые выяснены настроения, ориентации и политическое лавирование даурской правящей элиты в вопросах присоединения Хулун-Буира к Внешней Монголии в 1912–1915 гг., неопределенного статуса последней, возвращения региона в состав Китайской Республики. Наряду с этим новой представляется научная оценка деятельности народных лидеров цицикарских и бутхаских дауров, в частности, руководства Шаоланом и Дайфу крестьянским восстанием в 1914–1920 гг., формирования Ян Денбу отряда самообороны в 1929 г. в Бутхе.

Использование методологической призмы транснациональной истории позволило установить, проследить и проанализировать активность даурской революционной молодежи, ее участие в работе Коминтерна, партийном и государственном строительстве на территории МНР и Внутренней Монголии (1917–1930 гг.). Через осмысление биографий лидеров Мэрсэ и Фуминтая, хранящихся в фондах ЦА ФСБ, показаны многие моменты их участия, ранее остававшиеся вне поля зрения исследователей. В диссертации также дана оценка деятельности ряду даурских революционеров, воссозданы разные грани их работы и учебы, определены место и роль в становлении НРПВМ и НРПВК. Доказано, что даурская революционная молодежь, находившаяся в оппозиции к администрации Хулун-Буира и ин-

структурируемая Коминтерном, ЦК Монгольской народно-революционной партии (МНРП), стояла у истоков вышеотмеченных партийных организаций, занималась отправкой хулун-буирских учащихся в СССР и МНР, подготовила баргинское восстание 1928 г.

С привлечением новых научных фактов реконструировано взаимодействие даурской элиты с властями Маньчжоу-Го в 1931–1945 гг.; впервые прослежены процесс создания административно-территориальных образований и ход социально-экономических преобразований на территории, населенной даурами; установлены лица, возглавлявшие районные администрации в провинциях Северный и Восточный Хинган Маньчжоу-Го, а также работавшие в правительстве Мэнцзяна. На основе анализа данных автор делает предположение об усилении антияпонских настроений после казни губернатора провинции Северный Хинган Линшэна и его соратников в апреле 1936 г., выразившихся в активизации подпольной борьбы в Хайларе (1939–1945 гг.) и участии даурских офицеров армии Маньчжоу-Го в военных мятежах в августе 1945 г.

В русле современных методологических подходов обобщены научные факты о создании в послевоенные годы бригад самообороны, съездах народных представителей и об аграрных преобразованиях в даурских районах; обретение даурами статуса официально признанной народности и процесс становления даурских автономий разных уровней проанализированы как реализация руководством КНР идеи нацистроительства. Установлено, что основанная на принципе этнической гомогенности попытка отдельных даурских деятелей к обретению более широкой национальной автономии в Морин-Дава в 1957–1958 гг. привела к репрессиям со стороны руководства Автономного района Внутренняя Монголия. Через призму политико-экономических преобразований в КНР рассмотрены особенности адаптации сельского хозяйства даурского автономного хошуна Морин-Дава в 60–90-е гг. XX в. к меняющимся условиям жизни, выяснены и проанализированы предпосылки, механизмы и сам процесс выхода даурских хозяйств на качественно новый уровень в годы реформ и открытости.

В работе проведен сквозной анализ процессов эволюции и адаптации сферы культуры и образования дауров в XX в., прослеживающий переход от маньчжурской культурно-образовательной традиции, сопровождающийся попытками создания своего письма на основе латиницы и кириллицы к китайской, в значительной степени идеологизированной в годы КНР. С учетом новейших сведений охарактеризованы особенности развития школьного, вузовского образования, роль и место художественной самостоятельности и научно-технических новинок в культурной жизни даурского автономного хошуна Морин-Дава.

В ходе последовательной реконструкции аспектов социально-политической истории дауров в XX в. впервые установлено, что они явились примером трансграничного народа, чья элита использовала методы политического лавирования в первой половине XX в., в зависимости от ситуации дистанцируясь и сближаясь с разными политическими силами. Доказано, что не утраченная даурами этническая идентичность, восходящая к средневековым монголоязычным народам вкупе с их политической активностью, была подмечена и использована руководством КНР для конструирования новой нации и, как следствие, создания национальных автономий разных иерархических уровней.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что изучение социально-политической истории дауров в XX в. способствует расширению теоретико-концептуальных рамок современной исторической науки, востоковедных направлений, в частности монголоведения. Содержание работы, ее положения и выводы представляют ценность при написании обобщающих трудов по прошлому народов российско-китайского трансграничья, северо-восточного Китая, Внутренней Монголии и Синьцзяна, а также при проведении специальных исследований по истории национально-освободительного, революционного и антияпонского движений в Хулун-Буире, создания Народно-революционной партии Внутренней Монголии, социально-экономического и культурного развития стран, регионов и народов, сопредельных с даурами. Ранее неизвестные аспекты политического взаимодействия между даурской элитой и российскими военными, деятельности даурских революционеров на территории МНР могут послужить материалом для обобщающих, в том числе и теоретических, работ по истории российского/советского влияния в монгольском мире, монографий и статей по малоизученным аспектам политики Коминтерна во Внутренней Азии.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования результатов работы в сравнительно-сопоставительном анализе различных аспектов новейшей истории и культуры национальных меньшинств Китая, изучении истории политического взаимодействия в треугольнике Россия – Китай – Монголия, понимании особенностей национальной политики КНР, а также преподавателями гуманитарных вузов при составлении учебно-методических пособий по дисциплинам, имеющим отношение к истории и культуре Китая, России, Монголии; подготовке факультативных курсов, посвященных историческому развитию и современному состоянию национальных меньшинств вышеотмеченных стран.

Методологическая основа исследования базируется на принципах историзма и объективности. Принцип историзма позволил изучить новейшую историю дауров в процессе его закономерного развития во взаимодействии с историей северо-восточного Китая, Внутренней Монголии, Хулун-Буира и сопредельных территорий (Монголия, Забайкалье). Принцип объективности использован при анализе опубликованных и неопубликованных архивных источников, материалов периодической печати, данных полевых исследований, воспоминаний очевидцев событий.

В методологии нашего исследования основополагающую роль играет нарративный (описательно-повествовательный) подход. Благодаря ему архивные материалы и научные исторические работы проанализированы во взаимосвязи, приведшей к построению единой и цельной картины новейшей истории дауров. Для начала нами были выделены некоторые особо значимые события в даурской истории, к примеру, баргинское восстание 1912 г., устранение автономии Хулун-Буира в 1920 г., дело Линшена 1936 г., поражение Квантунской армии и ликвидация государственного образования Маньчжоу-Го в 1945 г., создание даурского автономного хошуна Морин-Дава в 1958 г., которые достаточно описаны в научной литературе и нет оснований в их достоверности. Затем к этим «центральным» вопросам были сделаны добавления из архивных источников и научной литературы; проведен анализ фактических материалов и их причинно-следственных связей. Исходя из этого получена новая интерпретация событий новейшей истории дауров; во многом реконструирована их последовательность.

В работе применялись сравнительно-исторический, конкретно-исторический, проблемно-хронологический, историко-генетический, историко-типологический и историко-системный методы, метод аналогии.

Источниковая база исследования представлена широким корпусом источников, позволивших в соответствии с исследовательскими задачами сделать научные выводы. Выделены следующие группы использованных источников: опубликованные и неопубликованные архивные документы, материалы периодической печати, мемуары, полевые материалы автора. Неопубликованные источники, впервые вводимые в научный оборот, представлены документами отечественных (АВПРИ, АВП РФ, РГАСПИ, ЦА ФСБ и др.) и зарубежных (МУУТА, Дипломатический архив Министерства иностранных дел Японии (ДА МИДЯ)) архивов. Опубликованные источники включают отечественные военно-статистические отчеты начала XX в., материалы отечественных и зарубежных сборников архивных документов. Используются материалы региональной периодической печати КНР и РФ, англоязычной прессы. Мемуарные источники представлены

воспоминаниями советских специалистов, дауров-участников антияпонской борьбы и создания национальных автономий. Полевые материалы автора включают отдельные сведения экспедиционных исследований 2005, 2015 и 2017 гг. Подробная характеристика источниковой базы дана во втором параграфе первой главы.

Положения, выносимые на защиту:

1. Активизация российской политики в Маньчжурии, выразившаяся в строительстве КВЖД, участии в военных действиях, трансграничных отношениях и торговле, явилась транснациональным историческим контекстом формирования элиты хайларских дауров, возглавивших администрацию Хулун-Буира в 1912–1936 гг. Результатом непосредственного политического взаимодействия дауров с российскими военными стало взятие баргинскими повстанцами г. Хайлар в январе 1912 г., изгнание харчинского отряда из города в августе 1917 г. Причинами успешных действий отряда самообороны, созданного даурскими охотниками во главе с Ян Денбу в регионе Бутха в 1929 г. и укрупненного в 1931 г., явились знание родной местности, помощь местного населения и дауров, служивших в составе милитаристских отрядов. Приглашение на должность командира отряда, направленное бутхаскими даурами Мэрсэ в ноябре 1931 г., было связано с началом японской оккупации северо-восточного Китая и значимостью фигуры политика в глазах повстанцев, ассоциировавшегося, с одной стороны, с Коминтерном и СССР, с другой – Чжан Сюэляном. Восстание цинкарских дауров под руководством Шаолана и Дайфу, начавшееся как выступление против богатых землевладельцев в 1914 г. и переросшее в вооруженную борьбу против милитаристских групп в 1915–1920 гг., не имело конкретной политической цели, четкого направления и стратегии борьбы, долгосрочных планов, поэтому было обречено на поражение.

2. Осознание даурскими чиновниками Хулун-Буира неопределенного статуса Внешней Монголии в 1912–1915 гг. привело к политическому лавированию и поиску альтернативных путей решения проблемы в первой трети XX в., в числе которых были варианты реставрации цинской династии под эгидой Японии и получения широкой автономии в составе Китайской Республики. Попытка бутхаских дауров в 1912 г. включить в монгольское подданство три города провинции Хэйлунцзян имела доказательную базу в виде материалов по истории монголов юаньского периода и этнографических данных. Причинами сохранности этнической идентификации и в целом существования этнотерриториальной группы дауров Синьцзяна – потомков военных поселенцев к началу XX в., явились ее организованность и адекватная реакция на окружающую обстановку, выразившаяся в неоднократных переходах цинско-российской границы в пери-

од наивысшего подъема мусульманских восстаний, ассимиляции солонов, этнических контактах с местными ойратскими группами.

3. Контакты дауров с бурятскими деятелями в 1912–1915 гг. во Внешней Монголии были продолжены революционным взаимодействием с Э.-Д. Ринчино. Даурская революционная молодежь, находившаяся в оппозиции к администрации Хулун-Буира и инструктируемая Коминтерном и ЦК МНРП, стояла у истоков создания НРПВК и НРПВМ, занималась вопросами кадровой подготовки, совершила баргинское восстание 1928 г.

4. Резонансное «дело Линшена» 1936 г. спровоцировало рост антияпонских настроений в даурском обществе Маньчжоу-Го, выразившихся в активизации подпольной антияпонской борьбы хайларских дауров, связанных с российскими / советскими деятелями, Красной армией и СССР (1939–1945 гг.), участия даурских офицеров армии Маньчжоу-Го в военных мятежах в августе 1945 г. Китайские партизанские отряды, действовавшие на территории даурского района Морин-Дава, получали всемерную помощь местного даурского населения.

5. Искусственно разделенные этнотерриториальные группы дауров, причисляемые к монголам и/или сибо, солонам (эвенкам), в начале XX в. сохраняли единый язык и культуру, этническое самосознание. Провозглашение первых даурских автономий в 1952 и 1954 гг. вкуче с тезисом об их устойчивых культурно-языковых особенностях послужили катализатором для конструирования новой нации руководством КНР в 1956 г. и создания национальных автономий разных иерархических уровней. Руководство Внутренней Монголии в 1957–1958 гг. пресекло основанную на принципе этнической гомогенности попытку дауров к обретению более широкой национальной автономии. Тем не менее созданный в 1958 г. даурский автономный хошун Морин-Дава стал центром притяжения всех дауров.

6. Культура и образование дауров в XX в. эволюционировали синхронно с этапами новейшей истории Китая (цинский; эпоха Китайской Республики; правление Маньчжоу-Го; период КНР, или современный этап), специфика которых систематически обогащала культурно-образовательную сферу новыми явлениями и терминами, достижениями науки и техники.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования представлены в виде докладов на XI международном Конгрессе монголоведов «Mongol studies and sustainable development» (Улан-Батор, 15–18 августа 2016 г.), всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Сибирь в годы Великой российской революции» (Улан-Удэ, 7–8 июня 2017 г.), всероссийской научной конференции памяти В. Н. Шерстобоева (Иркутск, 28 марта 2018 г.), международных

научных конференциях «Приграничное сотрудничество: исторические события и современные реалии» (Чита, 26 октября 2018 г., 16 сентября 2022 г.), «International workshop “Peoples and Languages of the Sino-Russian Borderlands: Dauria”» (Palacky University in Olomouc, Czech Republic, October 9–10, 2019), «Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества» (Благовещенск – Хэйхэ, Тяньцзинь, Пекин, 20–28 мая 2019 г., 18–19 мая 2020 г.), международной научной конференции «Актуальные проблемы монголоведных и алтаистических исследований» (Элиста, 11–14 ноября 2019 г.), международной научно-практической конференции «Приграничный регион в историческом развитии: партнерство и сотрудничество» (Чита, 18 сентября 2020 г.), международном научном семинаре «Динамика народов и империй в истории Внутренней Азии» (Улан-Удэ, 19–20 декабря 2020 г.), IV международном семинаре «Письменное наследие и актуальные проблемы истории и культуры монгольских народов» (Улан-Удэ, 16–19 сентября 2021 г.), международных научных конференциях «Синология в XXI веке» (Улан-Удэ, 12 октября 2021 г., 11 июля 2022 г.), «Банзаровские чтения» (Улан-Удэ, 30–31 марта 2022 г.), всероссийской научной конференции «XXIV историко-экономические чтения» (Иркутск, 31 марта – 1 апреля 2022 г.), II всероссийской научной конференции «Сибирь в фокусе исторических, востоковедных и правовых исследований (Старцевские чтения)» (Барнаул, 5–6 мая 2022 г.), международной научной конференции «Мир Центральной Азии-V» (Улан-Удэ, 30 июня – 2 июля 2022 г.), I международной научной конференции «Цивилизации Востока: взгляд из XXI века» (Москва, 21 октября 2022 г.), международных научных конференциях «Русско-монгольское соглашение 1912 г.: к 110-летию подписания первого соглашения между Российской империей и государством Монголия» (Москва, 21 октября 2022 г.), «Mongolian Culture Society in Japan the 6th Winter Symposium» (Токио, 10 декабря 2022 г.).

Основные положения диссертации отражены в 50 научных работах, в том числе в 3 монографиях, 18 статьях в ведущих рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ, 29 работах, опубликованных в периодических и продолжающихся изданиях, сборниках научных трудов, материалах конференций. Общий объем публикаций по теме диссертации составляет 61,95 п. л., вклад соискателя – 56,75 п. л.

Структура и объем работы

Работа состоит из введения, четырех глав, 10 параграфов, заключения, списка использованных источников и литературы, приложения. Общий объем диссертации составляет 551 страницу.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснована актуальность темы, сформулированы цель и задачи работы, определены предмет и объект исследования, его хронологические и территориальные рамки, методологическая основа, раскрыты научная новизна, теоретическая и практическая значимость результатов работы, определены выносимые на защиту положения, приведены сведения о степени разработанности проблемы и источниковой базе исследования, об апробации работы и личном вкладе соискателя, охарактеризована структура диссертации.

Первая глава работы **«Историография и источниковедение»** состоит из двух параграфов. Параграф **«Отечественная и зарубежная историография»** условно разделен на два больших раздела, в которых рассматриваются работы российских и зарубежных исследователей, затрагивающие различные аспекты истории и культуры даурского народа. Первый раздел «Отечественная историография» разделен на три группы: 1) работы авторов дореволюционного периода; 2) историография советского периода; 3) труды современных российских ученых (с конца XX в. и по наше время).

В трудах дореволюционных исследователей в основном содержится краткая характеристика дауров, сведения административно-территориального и этнографического плана; приводятся факты из истории даурского народа XVII в. [Георги, 1799; Маак, 1859; Остроумов, 1879; Шренк, 1883, 1899, 1903; Описание Маньчжурии, 1897; Ивановский, 1894; Гребенщиков, 1909; Спицын, 1909; Болобан, 1910, 1911; Спафарий, 1960; Идес, 1967; Миллер, 1999].

Исследователи советского периода продолжили начатое своими предшественниками изучение даурского языка, письменности и культуры; истории дауров XVII в. в контексте освоения Русским государством Приамурья [Огородников, 1927; Бахрушин, 1928; Поппе, 1930; Долгих, 1958: 125–142; Румянцев, 2002; Дауры, 1965: 666–671; Тодаева, 1986]. Под именем «молодых монголов» советскими историками кратко рассмотрена деятельность даурских революционеров Мэрсэ и Фуминтая [Богословский, Москалев, 1984]. В этот период опубликованы труды, освещающие новейшую историю Внутренней Монголии, национальную и социально-экономическую политику в Китае [Дылыков, 1953; Автономный район, 1980; Меликсетов, 1977; Махмутходжаев, 1977; Непомнин, 1980, 1999; Москалев, 1992, 2001, 2005].

В публикациях современных российских ученых отражен широкий круг вопросов новейшей истории Барги (Хулун-Буира) с преобладанием работ, рассматривающих основные исторические события первой половины XX в. [Белов, 1993а, б; Лузянин, 2000; Ностаева, 2010; Базаров, 2001,

2008, 2010, 2011, 2016; Курас, 2013, 2016а, б, 2018, 2019; Балдано, 2005а, б, 2008, 2017, 2019; Дацышен, 2012, 2013, 2014; 2015, 2016, 2019а, б, 2021, 2022; Кузьмин, 2014; 2021; Суходолов, 2014а, 2018; Цыбенов, 2017а, б, 2018а, б, в, 2019а, б; 2020, 2021, 2022 и др.]. Б. В. Базаров через призму биографии бурятского деятеля Ц.-Е. Цыдыпова изучил участие дауров в национально-освободительном движении монгольских народов Хулун-Буира [2002]. С. Л. Кузьмин на основе архивных данных анализирует события, связанные с провозглашением независимости Барги, баргинским и харачинским вопросами в истории Восточной Азии [2015а, б, в, 2016а, б, 2018, 2019а, б, в, 2020а, б, 2021, 2022]. П. Н. Дудиным с новых позиций рассмотрены некоторые аспекты новейшей истории Внутренней Монголии и Маньчжурии первой половины XX в. [2014, 2016, 2017, 2018, 2019, 2020а, б]. Большую роль в деле становления даурских революционных деятелей первой четверти XX в. сыграли бурятские общественно-политические деятели и их проекты создания национальной автономии [Жабаева, 2001а, б; Цибиков, 2009; Выдающиеся..., 2009; Бабаков, 2013; Монгольские..., 2016; Интериоризация..., 2021 и др.]. Некоторые аспекты новейшей истории и культуры дауров дополняют материалы современных российских историков, посвященные истории северо-восточного Китая, Внутренней Монголии, национальной политики в КНР [Булдакова, 2006; Ставров, 2007, 2021; Досовицкая, 2013а, б, 2019, 2021а, б; Бондарева, 2015; Мажинский, 2015; Буяров, 2016; Цыремпилова, 2017 и др.]. Различные стороны истории Хулун-Буира рассмотрены в работах, опубликованных на бурятском языке. В них выявлены особенности деятельности даурской элиты в первой трети XX в., основные тенденции социально-политической ситуации в Хулун-Буире в период Маньчжоу-Го [Санжаа-Ешын, 2013; Согтын, 2017].

В рамках второго раздела «Зарубежная историография» выделяются труды китайских исследователей, осветившие многие аспекты новейшей истории дауров, в частности, выявили основные тенденции социально-политического развития дауров, особенности создания и развития даурских национальных автономий, специфику социально-экономического и культурного развития даурского народа в XX в. [Собрание, 1996, 1998; Даурский, 1998; Ао Цзиньхай, 2005; Ци Хойцзюнь, 2006; Описание..., 2008; Краткая..., 2008; Мэн Сунлинь, 2010; И Сун, 2010, 2012; Даурские, 2017 и др.]. Широкое толкование в работах преимущественно даурских ученых получила тема участия даурских патриотов в антияпонской освободительной войне, включая такие вопросы, как дело Линшэна; военные мятежи под руководством Ван Хайшаня, Го Вэньлина, Го Вэньтуна; подпольная антияпонская деятельность хайларских дауров во главе с Найралту [Сухэбилигэ, 2000, 2015; Эрхэнъябар, 2015а; Лэ Чжидэ, 2015; Эньхэбату,

2000, 2015а, б; Ао Хаочжан, 2016; Модэ'рту, 2018; Нашуньбао, 2018; Чжожэнь, 2018; У Цзэмин, 2018а и др.]. В 50–60-х гг. XX в. в КНР начаты исследования жизни и деятельности Мэрсэ. После долгого перерыва они были возобновлены в середине 80-х гг. XX в. и успешно продолжены в 90-х гг. XX – начале XXI в. [У Цзэмин, 2016, 2019; Маньдзуэрту, 2019; У Ина, 2019; Су Юн, 2019; Чжоу Тайпин, 2019; Одэнгуа, 2019 и др.].

В работах западных историков, изданных в 20-60-х гг. XX в., рассмотрены преимущественно вопросы истории Маньчжурии (особенно период Маньчжоу-Го), Внешней и Внутренней Монголии, содержащие краткие характеристики дауров, их характер, территорию проживания и т.д. [Manchuria, 1925, 1932; Owen Lattimore, 1935, 1962; The Industrialization, 1940; Japan, 1960].

Конец XX – начало XXI в. ознаменовался изданием ряда работ, с новых теоретических и методологических позиций освещающих вопросы становления японского национализма; китайского сопротивления японской агрессии, явлений коллаборационизма и бандитизма (хунхузничества); суверенитета Маньчжоу-Го; положения монголов между великими державами и восприятия ими идеи Ман-Мо; трансформации религиозно-культурных воззрений дауров [Humphrey, 1996; Young, 1999; Mitter, 2000; Matsusaka, 2001; Duara, 2004; Li, 2009; Makito, 2011; Yaqin, 2012]. Например, К. Этвуд, основываясь на китайских и монгольских источниках, обращает внимание на особенности участия хайларских дауров в национально-освободительном движении монгольских народов в начале XX в.; приводит новые данные биографического характера о многих даурских деятелях, их роли в управлении Хулун-Буиrom; о советском и японском влиянии на монгольские земли; создании в 1913–1928 гг. в Монголии кооперативов, занимавшихся сбытом продуктов скотоводства [Atwood, 2002, 2003, 2005, 2010]. Вопросу о статусе даурской национальной автономии в 1957–1958 гг., изучению трансформации монгольской идентичности, процессов колонизации и этностроительства во Внутренней Монголии посвящены исследования У. Булага [Bulag, 2002, 2004, 2010]. Большой вклад в развитие мирового дауроведения внес международный семинар «Народы и языки китайско-российского пограничья: Даурия» (г. Оломоуц, Чешская Республика, 2019). В статьях, изданных по итогам семинара, были рассмотрены такие актуальные вопросы, как история дауроведческих исследований; этническое наследие на примере генеалогии даурского рода; трансграничное положение дауров на границе Российской и Цинской империй; переселение дауров из хошуна Старой Барги в Солонский хошун в 1920 г.; деятельность даурского революционера Фуминтая в 20–30-е гг. XX в., проблемы религии и языка дауров [Wallenböck, Zikmundova, 2021:

1–46; Kim, 2021: 47–84; Tsybenov, 2021: 85–112; Ziehaus, 2021: 113–150; Srba, 2021: 151–178 и др.].

В трудах монгольских историков в основном анализируется участие населения Барги в националистическом движении монголов в первой трети XX в., включая баргинские восстания 1912 и 1928 гг., вопрос о статусе Барги в 1912–1915 гг.; участие в конфликте на р. Халхин-гол в 1939 г. [Жамсран, 1991; Мягмарсамбуу, 2017а, б, 2021а, б, в; Ганбагана, 2017а, б, в; Хишигт, 2017; Лхагвадорж, 2017 и др.]. В ряде работ монгольских авторов в контексте монголо-баргинского административного и партийного взаимодействия частично освещена деятельность даурских функционеров Цэндэ-гуна, Мэрсэ, Дэ Гулая, Соелтоя и др. [Хандсүрэн, 1974; Идшинноров, 1990; Зоригт, 2009, Цэнд, 2017; Батбаяр, 2020; Батсайхан, 2005, 2007; Дашдаваа, 2019, 2020; Болд, 2021].

Многие аспекты новейшей истории дауров в соответствии с идеологическими принципами и классовым подходом подробно анализировались в работах даурских исследователей, изданных в конце 80-х гг. XX в. на классической монгольской письменности [Morindabaᠭа, 1988; Дауур, 1989]. Изучению вопроса основания и деятельности Народно-революционного союза молодежи Внутренней Монголии в Хулун-Буире и Хингане посвящены исследования ряда историков АРВМ [Batubaᠭаna, 2007; Tegüs, 2007; Bütēgegēi, 2007; Edünkešig, 2007 и др.]. Проблемы развития традиционной даурской культуры освещались в работах Мэн Чжидуна [Meng Ji Düng, 1983], Эньхэбату [Engkebatü, 1984], Билида [Bilid, 1987], Мэндсүрэн [Mendüsürin, 1990], Билига [Bilig, 2003], Оюунгуа [Oyungᠭou-a, 2003, 2012], Юй Шаня [Yui Shan, 2007] и др.

Отдельные периоды истории дауров, связанные в целом с историей Хулун-Буира, Маньчжоу-Го, Маньчжурии, Внутренней Монголии и северо-восточного Китая, представлены в публикациях японских исследователей Т. Мицутоси [1958], И. Кодзи [1968], Иссю [1970], Ёсиэ [1976], К. Танака [2008, 2020, б, в], Т. Наками [2020], Б. Кимихико [2020] и др.

В работах современных корейских историков большое внимание уделяется формированию идеологии в Маньчжоу-Го, положению японских и корейских переселенцев, межэтническим конфликтам на его территории в августе 1945 г. [Инь Хуэйдо, 2000, 2012; Чхон Чун-Хва, 2020].

В начале 80-х гг. XX в. на немецком языке опубликованы статьи венгерской исследовательницы К. У-Кёхальми, где, наряду с анализом некоторых даурских топонимов, выдвигалась гипотеза о зарождении гибели даурско-солонской кочевой империи в XVII в. [U-Köhalmi, 1981, 1982]. Немецким историком Х. Шмидт-Глинцером была предложена в противовес официальной доктрине мирной колонизации народов Китая концепция

«экспансионных рывков» [Schmidt-Glitzner, 1997]. Некоторые аспекты жизни и деятельности Мэрсэ, шаманские сказания дауров подробно рассмотрены в работах чешской исследовательницы К. Зикмундовой [Zikmundova, 2018, 2022].

Таким образом, анализ научной литературы позволяет сделать вывод, что, несмотря на имеющийся массив работ отечественных и зарубежных исследователей по истории и культуре Хулун-Буира, Внутренней Монголии, Маньчжурии, северо-востока Китая и сопредельных территорий, проблема социально-политической истории дауров в XX в. не получила в современной историографии всесторонней разработки.

Во втором параграфе **«Источниковедческая база исследования»** анализируются опубликованные и неопубликованные документальные источники, материалы периодической печати, мемуары и устные исторические свидетельства и др. Все источники систематизированы в соответствии с их происхождением, особенностями содержащейся в них информации и значимостью для диссертационной работы.

Неопубликованные документальные источники представлены документами 4 отечественных центральных (АВПРИ, АВП РФ, РГАСПИ, ЦА ФСБ, АВ СПбФ ИВ РАН), 5 региональных (ГАРБ, ГАИО, АУФСБ по РБ, ЦВРК, АОМК) архивных хранилищ. Зарубежный сегмент формируют неопубликованные источники монгольского (МУУТА) и японского (ДА МИДЯ) архивов. Архивные документы различаются в зависимости от учреждения по тематике и хронологии; включают приказы, доклады, донесения, отчеты, обращения, заявления, переписку, сметы, инструкции, характеристики. В них представлен широкий круг вопросов, где основными являются баргинские восстания 1912 и 1928 гг., захват Хайлара монгольскими повстанцами в 1917 г., деятельность хулун-буирских революционеров по линии Коминтерна, ЦК МНРП и НРПВМ в районах Внутренней Монголии, усиление японского влияния в Барге в первой трети XX в. Большинство выявленных документов впервые вводится в научный оборот.

Опубликованные документальные источники представлены отечественными военно-статистическими отчетами Приамурья, Монголии и Маньчжурии начала XX в.; материалами из сборников документов по российско-монгольским отношениям, а также документами из Центрального архива ФСБ России и архива УФСБ России по Омской области; монгольскими архивными материалами о политических контактах Внешней Монголии и Хулун-Буира в 1912–1915 гг., китайскими архивными документами по участию дауров в освободительной войне 1945 г., нормативно-правовыми актами периода Китайской Республики, Маньчжоу-Го и КНР. Среди них интерес представляют монгольские архивные данные от 1912 г.

о направлении делегации Хулун-Буира в Ургу и решении вопросов обустройства региона в составе Внешней Монголии. Они дают возможность проанализировать особенности политического взаимодействия администрации Хулун-Буира с правительством Богдо-гэгэна на правах подданных; выявить участие в данном процессе даурских чиновников провинции Хэйлуцзян.

Периодические издания представлены региональной прессой КНР (номера газеты «Хулун-Буир жибао» от 1958, 1963, 2018), англоязычными («The Strite Times», «Singapore Daily News», «The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser», «Shonan Times», «Malaya Tribune»), монгольскими (газета периода Маньчжоу-Го «Köke туу», журнал «Öbür Mongγol-un ʏarag-un setegül» за 1949 г. на классической монгольской письменности), российскими, в основном бурятскими («Молодежь Бурятии», «Новая Бурятия», «Информ-Полис», «Буряад үнэн», «Угай зам», «Буряад үнэн: Дүхэриг», «Агын үнэн», «Толо») изданиями. В них были выявлены материалы специальных выпусков, посвященных созданию, 5-летнему и 60-летнему юбилею с момента образования даурского автономного хошуна Морин-Дава; заметки о политических и культурных событиях в Маньчжоу-Го и его провинциях; переводы источников с классической монгольской письменности; дорожные заметки, статьи по истории шэнэхэнских бурят – соседей хайларских дауров и пр.

Среди мемуарных источников основной сегмент составили воспоминания советских специалистов – сотрудников Коминтерна, работавших в Китае в 20–30-х гг. XX в.; дауров – очевидцев и участников борьбы с китайскими милитаристами и японскими войсками, процесса формирования даурских национальных автономий в 50–80-х гг. XX в.

Полевые материалы автора составили группу устных источников, представленную данными полевых этнографических экспедиций, проведенных автором в городском округе Хулун-Буир АРВМ КНР в 2005, 2015 и 2017 гг. В них выявлены данные о переселении даурского населения из района строительства водохранилища на р. Нэньцзян, подпольной антияпонской борьбе хайларских дауров, прибытии синьцзянских дауров в эвенкийский автономный хошун.

В целом установленный комплекс источников дает возможность проанализировать ряд аспектов социально-политической истории дауров в XX в. Информационная значимость опубликованных и неопубликованных документальных источников, периодической печати, мемуарных источников и устных свидетельств позволяет сделать вывод об источниковой базе диссертационного исследования как о достаточной и достоверной основе для системного изучения поставленной проблемы.

Вторая глава «Место и роль дауров в транснациональной истории монгольского мира в первой трети XX в.» состоит из трех параграфов.

В первом параграфе «Дауры в XVIII – начале XX в.: история формирования, расселения и социально-экономического положения этнотерриториальных групп» проанализированы вопросы происхождения и этнической истории дауров, формирования этнического состава, расселения этнотерриториальных групп даурского народа на территории Китая. Родиной дауров после их переселения из Приамурья стал регион Бутха в Северо-Западной Маньчжурии. Все даурское население было распределено в 8 округах, во главе которых стояли окружные начальники *нируй-чжангины*, подчинявшиеся наместнику *ухэрида*. В свою очередь, наместник находился в прямом подчинении губернатора провинции Хэйлунцзян.

В среднем течении р. Нонни (Нэньцзян) проживали цицикарские дауры. Строительство Цицикара началось в 1683 г., главным управляющим города назначен даур Мабудай. Из истории этнотерриториальной группы известно, что в 1905 г. их земли были причислены к Хэйшуйскому комиссариату, в 1908 г. преобразованному в Лунцзянскую управу. Хайларские дауры с 1732 г. проживали в местностях Хулун-Буира, прилегающих к г. Хайлар. С 1908 г. амбанем Хулун-Буира являлся даур Шэнфу, даурская элита была хорошо представлена в системе региональной власти. Начало XX в. для Хулун-Буира ознаменовалось существенным ограничением внутренней автономии, назначением чиновников – китайцев, отведением земель для колонизации, что вызывало недовольство местного населения. Еще одна этнотерриториальная группа дауров сформировалась в Синьцзяне. Будучи военными поселенцами, они принимали участие в подавлении восстаний местного мусульманского населения. Помимо четырех больших даурских групп (бутхаских, цицикарских, хайларских и синьцзянских) имелись и другие, малые, проживавшие компактно в некоторых районах провинции Хэйлунцзян (Хэйхэ, Хулан), а также в провинции Цзилинь (Бэдунэ).

Особую роль в социально-экономическом и политическом развитии даурских районов северо-восточного Китая сыграла КВЖД, строительство которой проходило в 1897–1903 гг. Во время боксерского восстания под предлогом защиты железной дороги в Восточной Маньчжурии были введены по пяти направлениям русские войска. Отряду генерала Орлова, наступавшего на Хайлар, противостояла монгольская кавалерия, имевшая в своем составе и даурских конников. Сопrotивление попытались оказать китайские отряды, где были и даурские солдаты, охранявшие рубежи в районе Хэйхэ - Благовещенск. Первоначальный успех в виде изгнания рус-

ской кавалерии из 64 селений на левом берегу Амура сменился отступлением дауров на правый берег Амура.

Таким образом, история каждой этнотерриториальной группы была тесно связана с политическим и социально-экономическим развитием регионов проживания. К началу XX в. обстановка на национальных окраинах Китая, вызванная общим кризисом цинского правительства, начала стремительно ухудшаться в преддверии новых революционных перемен.

Второй параграф **«Эволюция политических воззрений даурской правящей элиты и народных лидеров, их отражение в социально-политических мероприятиях (1912–1930 гг.)»** содержит анализ основных вопросов социально-политической истории дауров изучаемого периода, в частности, особенностей участия даурской элиты в таких социально-политических мероприятиях националистического формата, как баргинское восстание 1912 г. Выяснено, что основными причинами участия даурских чиновников в его подготовке явились, во-первых, идеи всемонгольского национально-освободительного движения; во-вторых, замена института амбаней на администрацию фудутуней и даотаев в 1905–1909 гг., в результате которой региональные чиновники лишились своих должностей. Поэтому ликвидация новых китайских властей для них означала возврат к прежней модели внутренней автономии в делах и восстановление в утраченных должностях. В рукописи докладной записки подполковника Заамурского округа Пограничной стражи Байдака сохранилось изложение событий, связанных с изгнанием китайцев из Хайлара в январе 1912 г. Анализ документа позволяет нам сделать вывод о причастности Байдака, даурских чиновников Шэнфу и Ломбон-Чиндэ, а также казаков-бурят к захвату г. Хайлар баргутским отрядом.

Шэнфу и другие чиновники Хулун-Буира желали включить регион в состав Внешней Монголии. Даурские деятели Цэндэ, Минбу, Линшэн своими действиями выражали готовность к борьбе за независимость Хулун-Буира. В январе 1912 г. в Ургу отправилась делегация из Хулун-Буира с целью добиться присоединения региона к Внешней Монголии. В ходе обсуждения вопроса о подданстве между делегацией Хулун-Буира и монгольскими чиновниками появились расхождения во мнениях. В то же время ряд хулун-буирских функционеров, в их числе Цэндэ, перебирается в Ургу, а Хулун-Буир посещают монгольские чиновники. Так, в феврале 1913 г. да-лама Цэрэн-Чимид прибыл из Урги в Хайлар для встречи с генеральным консулом Японии в Харбине.

Тем временем Хулун-Буир стал фактически независимым регионом, местная администрация, состоявшая в основном из дауров, проводила самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику. Китайская Республика

пыталась восстановить свою власть в Хулун-Буире. Планы китайских провинциальных властей натолкнулись на противодействие со стороны Российской империи, которая не желала ввода в регион китайских войск и проведения колонизации.

В мае 1917 г. монгольские повстанцы – остатки армии Бавужава, воспользовавшись отказом Шэнфу от провозглашения монархии и его контактами с китайским правительством, заняли г. Хайлар. По мнению российского дипломата В. В. Граве, захват был спланирован японскими инструкторами. Хайларские дауры, подвергшись грабежам, перебрались в район Цицикара. Даурская элита просчитывала всевозможные комбинации возвращения Хайлара с участием провинциальных властей Китайской Республики, российских войск, Японии. Благодаря решительным действиям Линшэна, в августе 1917 г. Хайлар был освобожден объединенным отрядом, в составе которого были дауры, баргуты, солоны. В штурме города принимал участие и кавалерийский полк Пограничной стражи Заамурского округа.

Безуспешные попытки хулун-буирских чиновников урегулировать взаимоотношения с Ургинским правительством привели к усилению прокитайской ориентации отдельных лиц, в основном дауров. В январе 1920 г. администрация Хулун-Буира приняла решение войти в состав Китайской Республики. Автономия региона была ликвидирована с последующим включением в состав провинции Хэйлуцзян.

Иначе складывалась ситуация в районе проживания цицикарских дауров. Произвол крупных землевладельцев и милитаристских отрядов привел к восстанию под руководством Шаолана и Дайфу. Причины поражения заключались в отсутствии у повстанцев и их руководителей конкретной политической цели, четкого направления и стратегии борьбы, долгосрочных планов. Затем борьба дауров с милитаристскими отрядами переместилась в район Бутхи. Здесь в конце 1929 г. был создан т. н. большой отряд самообороны в гористой местности во главе с Ян Денбу. Он был разделен на три части по названиям крупных рек – Нэмэр, Нонни, Номин: нэмэрчен, наунчен и номинчен, и имел в своем составе более 300 чел. Отряд оказывал серьезное сопротивление войскам китайских милитаристов.

В третьем параграфе **«Даурская революционная молодежь и ее участие в деятельности Коминтерна, партийном и государственном строительстве на территории МНР и Внутренней Монголии (1917–1930 гг.)»** исследован широкий круг вопросов, связанных с приобщением даурской молодежи Хулун-Буира к национально-освободительному движению монголов и мировому революционному движению во главе с Коминтерном; влиянием на них лидеров бурятского

национального движения Э.-Д. Ринчино, Ц.-Е. Цыдыпова; участием в создании и деятельности НРПВМ, баргинском восстании 1928 г.

Выход на политическую авансцену даурской передовой интеллигенции во главе с Мэрсэ и Фуминтаем был во многом закономерен, учитывая привитые им с юных лет националистические взгляды и получение образования в хороших по меркам того времени китайских учебных заведениях. Большую роль в формировании взглядов Мэрсэ и Фуминтая сыграло их участие в бурятском съезде 1918 г., знакомство с Э.-Д. Ринчино и другими бурятскими функционерами, и в целом осознание ими роли и значения национально-автономистского движения бурят. На бурятском съезде Мэрсэ и Фуминтай, представлявшие молодежную организацию Хулун-Буира, очевидно, познакомились с делегатом от Внешней Монголии Чойбалсаном.

Сигналом к активным действиям послужили письма Ринчино из Монголии в 1920–1922 гг., адресованные Мэрсэ. Летом 1923 г. состоялась поездка Мэрсэ в Москву для обсуждения с руководством Коминтерна вопроса о революционной работе во Внутренней Монголии и Хулун-Буире. Тогда же в Ургу прибыл Фуминтай, выступивший с докладом на II съезде МНП. С этого времени даурская революционная молодежь во взаимодействии с дипломатом Л. М. Караханом, Коминтерном и ЦК МНП (с 1925 г. – МНРП) принимает участие в мероприятиях по созданию и развитию НРПВМ, отправке на учебу в МНР и СССР учащейся молодежи, занимается вопросами снабжения и финансирования Народно-революционной армии Внутренней Монголии. Создание Народно-революционной партии Внутренней Монголии (НРПВМ) обсуждалось в 1923 г. советскими и монгольскими (включая дауров) политическими деятелями. Мэрсэ и Фуминтаю, которым было поручено это дело, к концу 1924 г. удалось объединить ряд политических организаций Внутренней Монголии. В 1924 г. Мэрсэ принял участие на Всекитайском съезде по улучшению качества педагогической работы в г. Нанкин, имел встречи с лидером партии Гоминьдан Сунь Ятсеном в г. Гуанчжоу. Летом 1924 г. Мэрсэ и Фуминтай создали в Хайларе революционную группу, вели переговоры с ЦК МНРП о необходимости активных действий в Хулун-Буире. Фуминтай, очевидно, курировал вопрос о предоставлении Хулун-Буиру прав широкой автономии в апреле 1925 г. на монголо-китайских переговорах с Фэн Юйсянем. В декабре 1924 г. был создан в Пекине временный ЦК НРПВМ. До осени 1925 г. он, получая финансовую помощь от ЦК МНРП, проводил агитационно-пропагандистскую и организационную работу в районах Внутренней Монголии. Большую роль во взаимодействии двух монгольских партий в период с сентября 1925 по январь 1926 г. сыграли представители временного ЦК НРПВМ в Улан-Баторе Фуминтай и Хуалинтай. Официальное созда-

ние НРПВМ в октябре 1925 г. стало началом нового этапа революционной борьбы во Внутренней Монголии. В том же году в Улан-Баторе была создана Центральная партийная школа, где стали готовить революционные кадры. Многие представители передовой молодежи направлялись на учебу в МНР и СССР. Среди них были дауры Хас-Батор, Бочиро, Соелтой, Эрхимбато и др. По данным 1926 г., на учебу в Улан-Батор из районов Внутренней Монголии было направлено около 200 чел. Весной 1926 г. Мэрсэ принимал участие в партийной работе в Пекине, затем оказывал помощь Фэн Юйсяну в Калгане, работал в хошунах Ордоса; зимой 1927 г. заболел сыпным тифом и вместе с отступающей армией Фэн Юйсяна оказался в г. Нинся. Весной 1927 г. Мэрсэ вел партийную работу в Алашани, в начале лета выехал в Улан-Батор. Фуминтай, назначенный в июле 1926 г. руководителем монгольской военной школы в г. Баотоу, уделяет внимание вопросам финансирования и снабжения Народно-революционной армии Внутренней Монголии. В то же время революционная молодежь Хулун-Буира (Эрхимбато, Бочиро, Хас-Батор, Эрдэмбилиг и др.) занимается подготовкой восстания в регионе. Большое значение для даурских революционеров имела проблема возвращения Хулун-Буиру статуса независимого региона, что, по их мнению, было возможно лишь с отстранением от власти старых чиновников и изгнанием китайской власти путем вооруженного восстания. Принципиальные разногласия, отсутствие налаженного взаимодействия и поспешность в выводах явились сначала предлогом раскола в НРПВМ, а затем и провала баргинского восстания 1928 г., ставшего началом конца недолгой, но бурной деятельности даурских революционеров. Тем временем надвигались большие перемены в жизни дауров и других народов северо-востока Китая, вызванные агрессивными устремлениями Японии.

Третья глава работы «**Дауры в период Маньчжоу-Го (1932–1945 гг.)**» состоит из двух параграфов.

В первом «**Специфика общественно-политических и экономических нововведений в районах проживания дауров в провинции Синьань**» после краткого освещения японской оккупации и создания Маньчжоу-Го в 1932 г. анализируется развитие даурских районов (хошунов) провинций Северный и Восточный Хинган. В марте 1932 г. создана провинция Хинган, учреждены Бюро Хингана, в октябре 1934 г. – Отдел управления монголами и четыре провинции Хингана.

Губернатором Северной области провинции Хинган в 1932–1934 гг., а затем провинции Северный Хинган с центром в Хайларе являлся Линшэн. Хайларские дауры не имели своего административно-территориального образования и проживали в солонских хошунах провинции. Большинство

даурского населения было сосредоточено в Восточной области провинции Хинган, в 1934 г. преобразованной в провинцию Восточный Хинган с центром в г. Чжаланьтунь. Руководили поочередно Элэчун (даур), Буянмэндэ (монгол), Ба Цзиньбао (даур). В состав Восточной области провинции Хинган входило пять хошунов: Бутха, Арон, Хизагар, Морин-Дава и Баян с компактно проживающим даурским населением. Хошунами руководили даурские чиновники, но на деле реальная власть находилась в руках японских советников. В районах, населенных даурами, как и в годы Китайской Республики причисляемых к монголам, успешно проводились административно-территориальные и социально-экономические реформы с постепенным ужесточением налоговой и переселенческой политики. Массовые переселения, в основном цичикарских дауров в хошуны Арун, Бутха и Хизагар Восточной области провинции Хинган, мобилизация дауров на строительство различных военных объектов, применение японцами системы круговой поруки «баоцзя» и другие военные и социально-экономические меры японцев негативно повлияли на все сферы жизнедеятельности даурского общества. Несмотря на японскую пропаганду совместного процветания народов и создание отрядов охраны правопорядка среди дауров росло недовольство превращением их исконных земель в колониальные ресурсные придатки Японии.

Во втором параграфе **«Подпольная и партизанская борьба дауров в контексте истории антияпонской войны на северо-востоке Китая (1932–1945 гг.)»** исследованы вопросы оказания помощи даурским населением китайским войскам генералов Ма Чжаншаня и Су Бинвэня, китайским партизанам, развертывания подпольной антияпонской борьбы среди хайларских дауров, участия даурских офицеров и курсантов в военных мятежах августа 1945 г.

В апреле 1932 г. цичикарские дауры оказывали посильную помощь китайским войскам Ма Чжаншаня, в октябре 1932 г. хайларские дауры – армии Су Бинвэня; с 1934 г. бутхаские дауры вступали в партизанские отряды антияпонского сопротивления. Губернатор провинции Северный Хинган Линшэн, осознав истинную сущность намерений японских оккупантов, со своими соратниками попытался противодействовать им, но был арестован и казнен в апреле 1936 г. Если до 1936 г. имелись единичные случаи помощи дауров китайским партизанам, то после казни Линшэна и его сподвижников даурское общество, недовольное решением японцев, большей частью становится на сторону СССР и МНР. В авангарде антияпонского движения находились бывшие студенты советских и монгольских учебных заведений. Важную роль в освобождении Хайлара советскими войсками сыграли хайларские подпольщики-дауры во главе с Найралту, собиравшие

сведения о военных аэродромах, стратегически важных укрепленных пунктах японцев. Испытания японцами бактериологического оружия на народах Хулун-Буира, в том числе и на даурах, проведенные в 1942–1944 гг. в районе Имин, только усилили антияпонские настроения среди местного населения. Завершающим аккордом антияпонской борьбы стали военные мятежи в армии Маньчжоу-Го в августе 1945 г., в которых активное участие приняли офицеры-дауры Ван Хайшань, Го Вэньлинь и Го Вэньтун.

Четвертая глава **«Национально-территориальные автономные образования дауров (1945 г. – конец XX в.)»** состоит из трех параграфов. В первом параграфе **«Послевоенные административные реформы Китайской Республики и КНР в отношении национальных автономий дауров»** исследуется создание цикарскими и бутхаскими даурами бригад самообороны и их участие в гражданской войне на стороне КПК, социально-экономические реформы в даурских районах, а также процесс формирования первых даурских автономий в районе Вонюту и Морин-Дава.

Встав осенью 1945 г. перед историческим выбором: Гоминьдан или КПК, цикарские дауры поддержали КПК и в октябре-ноябре 1945 г. создали монгольское правительство провинции Нэньцзян и монгольскую бригаду самообороны во главе с Э. Сюфэном. Поскольку дауры официально не являлись отдельным народом, было решено назвать правительство и бригаду «монгольскими». Большую роль в установлении власти КПК среди бутхаских дауров сыграл прикомандированный в Буси офицер НОАК, кадровый работник Чэн Лисинь, который создал партийную ячейку и привлек в нее передовую молодежь, способствовал успешному ходу аграрной реформы, включению в состав революционных вооруженных сил большой монгольской бригады, внедряя в нее членов КПК; полностью ликвидировал бандитские отряды, занимавшиеся грабежами населения. В августе 1952 г. в хошуне Морин-Дава работала исследовательская группа по установлению национальных меньшинств, созданная по решению Центрального народного правительства КНР. В то же время провинциальным комитетом КПК и правительством провинции Хэйлунцзян был взят курс на реализацию концепции внедрения региональной автономии для национальных меньшинств, итогом которого стало создание 18 августа 1952 г. в уезде Лунцзян даурского автономного района Вонюту, ставшего первым в истории дауров административно-территориальным субъектом уездного уровня, имеющим статус автономии. Вторая автономия дауров под названием даурский автономный район Гуарбэн-Асиэр была учреждена 6 марта 1954 г. в уезде Тачэн на северо-западе Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР.

Обретение даурами в 1956 г. статуса самостоятельной, официально признанной в Китае, народности, наряду со всенародным ликованием, привело к призывам некоторых даурских лидеров в начале 1957 г. о создании даурского автономного округа – административно-территориальной единицы второго уровня административного деления КНР, которая бы охватывала места компактного расселения дауров в Хулун-Буире, Морин-Дава и Цицикаре. Руководство АРВМ, расценив этот шаг как угрозу национальным интересам монголов, выступило против появления крупной даурской автономии и провело чистку даурского руководства. Тем не менее даурская автономия в виде хошуна Морин-Дава была учреждена в 1958 г., что явилось большим прогрессивным шагом в социально-политической истории дауров.

Второй параграф «**Эволюция национальных автономий дауров (60 – 90-е гг. XX вв.)**» посвящен изучению особенностей политического и социально-экономического развития даурских районов, в основном на примере даурского автономного хошуна Морин-Дава, и созданию новых даурских автономий в виде национальных волостей.

В изучаемый период были проведены административные реформы, направленные на укрепление автономной власти. Развитие с 1960 г. механизации сельского хозяйства в даурском автономном хошуне Морин-Дава вкупе с применением системы производственной ответственности, способствовало поднятию уровня жизни населения. Ситуация в корне изменилась в период культурной революции (1966–1976 гг.), нанесшей большой урон как хозяйствам автономного хошуна, так и даурским национальным кадрам. После упразднения ревкома и основания народного правительства в 1981 г. даурский автономный хошун Морин-Дава полностью включился в набирающую обороты экономическую реформу, на начальном этапе которой упор был сделан на экспериментальные площадки. В начале 80-х гг. XX в. в сельском хозяйстве хошуна наметились явные улучшения, население стало переходить от коллективного к семейному подряду. В 1984 г. созданы новые автономные образования дауров: даурский автономный сянь Баянтала в эвенкийском автономном хошуне Хулун-Буирского аймака, даурская национальная волость Дуэрмэньцинь городского округа Цицикар, даурско-маньчжурская национальная волость Куньхэ городского округа Хэйхэ. В 1984 и 1988 гг. воссозданы даурская национальная волость Асиэр в СУАР и даурский национальный район Мэйлисы. В 90-е гг. XX в., несмотря на некоторые трудности переходного периода, многонациональное население даурских автономий сумело адаптироваться к переменам и вывести свои хозяйства на новый, более качественный уровень развития.

В третьем параграфе «**Культура и образование дауров (XX в.)**» рассмотрены становление и развитие культурной и образовательной сфер на протяжении различных исторических периодов XX в. (цинская эпоха, правление Китайской Республики, Маньчжоу-Го, КНР).

В период Цинской империи в даурских районах стало развиваться школьное образование, основанное на маньчжурском языке и письменности. Со временем появилась в даурском обществе прослойка интеллигенции (Говалинга, Сэлингэ, Чан Шун, Арабдан (1809–1885), Мамэгчи (1840–?), Цинь Дунпу (1880–1930), писавшие свои труды как на маньчжурском, так и на даурском языке, но с использованием маньчжурской письменности.

Даурская интеллигенция в период Китайской Республики поддержала образовательные и культурные реформы, занималась научной деятельностью, в 1916 и 1920 гг. предпринимала попытки создания своей письменности на основе кириллицы и латиницы. Были открыты новые начальные и средние школы, даурская молодежь стала обучаться в городах северо-востока Китая, СССР, МНР и Японии.

В годы правления Маньчжоу-Го продолжилось развитие школьного образования в даурских районах. Появились учебные заведения для женщин. Так, в 1935 г. в г. Нирги открыта женская начальная школа, в 1942 г. в г. Чжаланьтун основан народный женский институт. После завершения средней школы часть учащихся поступала в высшие учебные заведения или продолжала обучение в Японии.

После окончания гражданской войны и образования КНР новое правительство стало проводить культурную политику в тесной увязке с политическими задачами и идеологическим воспитанием. Важную роль в развитии даурской культуры играли художественная самодеятельность и народное творчество. Участники различных ансамблей художественной самодеятельности выступали в своих районах, выезжали на мероприятия более высокого (регионального, государственного) уровня. В конце 40-х – начале 50-х гг. XX в. школьное обучение проходило в условиях нехватки инвентаря и учебных материалов. В это же время предпринимались попытки возрождения даурской письменности на основе латиницы. После окончания культурной революции в 80–90-х гг. XX в. культура и образование в даурских районах стали быстро развиваться, этому немало способствовало распространение радио и телевидения, филиала книжного магазина «Синьхуа». С конца 90-х гг. XX в. началось строительство крупных объектов – музеев и национальных парков.

В XX в. образование и культура дауров претерпели кардинальные, во многом позитивные изменения, связанные с открытием школ и разновек-

торным обучением даурской молодежи; становлением и развитием художественной самодеятельности в годы КНР; модернизацией и дальнейшим усовершенствованием культурно-образовательной деятельности.

В заключение подведены итоги исследования и сформулированы основные выводы. XX век вошел в историю даурского народа как судьбоносное столетие, принесшее, с одной стороны, разочарование даурской элите и передовой молодежи в их националистических и революционных устремлениях, драматические сюжеты антияпонской борьбы периода Маньчжоу-Го, с другой – обретение даурами статуса самостоятельной народности и национальных автономий. В заключительной части работы мы приходим к следующим основным выводам.

1. К началу XX в. дауры были разделены на несколько этнотерриториальных групп (бутхаские, цижикарские, хайларские, синьцзянские и др.), формирующихся в соответствии с социально-политическим и экономическим развитием конкретных регионов проживания. В результате усиления китайской колонизации и административных ограничений в даурском обществе появились, равно как и на всех национальных окраинах переживавшей кризис Цинской империи, предпосылки для развертывания националистического антикитайского движения. Согласно материалам АВПРИ, можно с большей долей уверенности предположить, что взятие г. Хайлар в январе 1912 г. произошло в результате взаимодействия даурских руководителей Шэнфу и Цэндэ с российскими офицерами и казаками Пограничной стражи Заамурского округа. Захват г. Маньчжурия и обретение фактической независимости Хулун-Буиром вызвали энтузиазм у даурской (хайларской) элиты, сменившийся разочарованием и разногласиями с баргутами по поводу присоединения в 1912–1915 гг. региона к Внешней Монголии, чей статус был таким же неопределенным. Несмотря на радикально настроенную часть, перебравшуюся в Ургу (например Цэндэ-гун), большинство даурских функционеров пыталось лавировать в новых политических условиях и предугадать очередное развитие событий. Поэтому основная масса даурского чиновничества, всегда держа в уме прокитайскую ориентацию и просчитывая возможности возврата в лоно Китая, предусмотрительно готовила опору и на разные политические силы, чтобы сохранить и/или улучшить свое нынешнее фактическое положение.

Подвешенное положение Хулун-Буира в усложняющихся политических условиях и в отсутствие каких-либо подвижек со стороны Советской России и Внешней Монголии было ожидаемо разрешено хулун-буирской администрацией в начале 1920 г. вхождением региона в состав Китайской Республики. Несколько иная ситуация наблюдалась в районах проживания цижикарских и бутхаских дауров, вплотную столкнувшихся с новой реаль-

ностью в виде массового притока китайских колонистов и засилья милитаристов. Ответной реакцией даурского населения на повсеместное ужесточение региональной политики и ухудшение социально-экономического положения явились крупное крестьянское восстание под руководством Шаолана и Дайфу и последующее формирование отрядов охраны и ликвидации бандитизма, отряда самообороны в гористом районе Бутхи.

2. В 20-х гг. XX в. в национально-освободительное движение монгольских народов ожидаемо втягивается даурская передовая молодежь, с юных лет воспринявшая идеи независимого Хулун-Буира и создания единого Монгольского государства, обучавшаяся в городах северо-востока Китая и в Пекине. Знаковым для молодых лидеров Мэрсэ и Фуминтай становится знакомство с бурятскими деятелями Ц.-Е. Цыдыповым и Э.-Д. Ринчино, приведшее их к стремительному взлету на авансцену политической жизни Внутренней Монголии. Как показывают архивные материалы, Мэрсэ, Фуминтай и советский дипломат Л. М. Карахан с 1923 г. вели подготовительную работу по созданию НРПВМ. Таким образом, можно утверждать, что именно даурские лидеры стояли у ее истоков и вели работу по объединению других южномонгольских политических организаций в рамках единой партии. Они же руководили партией молодежи Хулун-Буира и занимались ее отправкой на обучение в МНР и СССР. Как свидетельствуют документы, большая часть выпускников – квалифицированных кадров оставалась работать в Монголии, тем самым внося существенный вклад в развитие образования и культуры МНР. Под руководством Коминтерна Мэрсэ и Фуминтай (Буянгэрэл) проводили активную деятельность по линии НРПВМ в аймаках Внутренней Монголии, включая Ордос и Алашань. В то же время некоторая часть даурской молодежи (Хуалинтай, Дэ Гулай и др.), проходившая обучение в Японии и приобщавшаяся к иным цивилизационным ценностям, также оставалась приверженной идеям национально-освободительного движения монгольских народов. Именно даурская революционная молодежь в основном занималась подготовкой к восстанию в Хулун-Буире, позже известном как баргинское восстание 1928 г. и ставшим переломным моментом в жизни Мэрсэ и ряда партийцев. В целом даурская революционная молодежь во главе с Мэрсэ и Фуминтаем сыграла большую роль в создании и деятельности НРПВМ и НРПВК; в партийной и революционной работе во Внутренней Монголии (включая Хулун-Буир) и МНР по линии Коминтерна и ЦК МНРП. Особенностью их борьбы за обретение независимости Хулун-Буира в 1924–1928 гг. явилось противостояние с региональной администрацией во главе с даурскими чиновниками, не воспринимавшими идеи Коминтерна о мировой революции, независимости региона и/или включения его в состав МНР.

3. Оккупация Японией северо-восточного Китая в 1931 г. и восстановление власти цинского императора Пу И были положительно восприняты даурской элитой, продолжавшей находиться у власти в Хулун-Буире и направившей делегации в Мукден и Цицикар для участия в съездах по вопросу создания нового государства. После образования провинции Хинган даурские чиновники сумели получить административные должности во многих звеньях высшего и низшего порядка, включая должности глав Восточной и Северной областей Хингана (Ба Цзиньбао и Линшэн). В то же время даурские деятели Дэ Гулай и О. Ургунго начинают работать в правительстве Мэнцзяна. Как указывают факты, в даурских районах, как и в других оккупированных частях северо-востока Китая, проводились административно-территориальные и социально-экономические преобразования, имевшие как положительные, так и негативные моменты. К последним относились переселение даурских крестьян в малопригодные для земледелия гористые районы, мобилизация даурских юношей на строительство военных объектов, ежегодное увеличение налогов и повинностей. Со временем нейтральное в целом отношение к японцам даурского населения сменилось усилением антияпонских настроений, особенно после резонансного дела Линшэна, закончившегося его казнью, а также некоторых сподвижников, включая Хуалинтая, в апреле 1936 г. В Хайларе и его пригороде Нантуне начала активно действовать подпольная организация дауров, связанная с советской и монгольской разведкой, выполнявшая разведывательные функции; в августе 1945 г. офицерами Ван Хайшанем, Го Вэньлином, Го Вэньтуном, даурами по национальности, были подняты военные мятежи в армии Маньчжоу-Го, способствовавшие успешному наступлению частей Красной армии.

4. В годы второго этапа гражданской войны в Китае (1946–1950) даурские районы, в частности Бутхи и Цицикара, встают на сторону КПК и создают бригады самообороны. Тогда же на местах проведены первые съезды народных представителей, кадровые перестановки в администрациях, аграрные преобразования, вылившиеся в дальнейшее реформирование сельского хозяйства в 1948–1958 гг. В эти годы дауры в результате целенаправленной национальной политики КНР получают заслуженные привилегии в виде статуса официально признанной народности и автономных районов (в статусе национальных волостей) в провинциях Хэйлунцзян и Синьцзян. Создание даурского автономного хошуна Морин-Дава в 1958 г. в рамках автономного района Внутренняя Монголия было несколько омрачено репрессиями против отдельных даурских функционеров, которые, взяв на вооружение принцип этнической гомогенности, попытались обрести статус отдельного автономного района. Попытка не

увенчалась успехом, но тем не менее даурская автономия отныне имела защищенные законом административно-территориальные границы; свои органы местного самоуправления. В 60–90-е гг. XX в. даурские автономии, как и другие национальные регионы КНР, развивались в русле политико-экономических преобразований китайского руководства; преодолели немало трудностей, в основном связанных с проведением культурной революции и переходом к политике реформ и открытости. Многонациональное население даурских автономий сумело адаптироваться в новых условиях и вывести свои хозяйства на более качественный уровень развития. В целом обретение национальных автономий разных уровней дало даурскому населению новые действенные возможности для защиты и обеспечения прав дауров, позволило им самим решать насущные проблемы, в основном связанные с развитием сельского хозяйства. Отныне в границах своих автономных образований органы местного самоуправления обладали широкими полномочиями, защищенными со стороны государства.

5. Уникальная и самобытная культура даурского народа, восходящая своими корнями к древней трансграничной культуре народов Приамурья, в XX в. получила очередной исторический опыт взаимодействия с различными культурами. Если жанры устного народного творчества, являвшиеся основой даурской культуры, на протяжении XX в. оставались в целом неизменными и обогащались новыми историческими сюжетами и национальными героями (например Шаолан и Дайфу), то в сфере образования имели место серьезные реформы, в первую очередь вызванные выходом из употребления маньчжурского языка и письменности (в связи падением цинской династии) и переходом на новую систему обучения с упором на изучение китайского и монгольского языков. Этот процесс сопровождался неудачными попытками даурской интеллигенции воссоздания своей письменности на основе латиницы и кириллицы. XX в. явился эпохой разновекторного обучения даурской молодежи, которая после окончания учебных заведений начального и среднего образования, включая и женские образовательные учреждения, устремлялись в высшие учебные заведения городов северо-востока Китая, СССР, Японии и МНР. Во многом именно из их рядов во второй половине XX в. было сформировано ядро кадровых работников, активно претворявших в жизнь новые идеологические установки КПК. Масштабная идеологизация культурной жизни в даурских национальных автономиях, сопровождаемая периодическими административными реорганизациями учреждений культуры, в некоторой степени затушевывалась внедрением научно-технических достижений в виде радио и телевидения, деятельностью книжных магазинов «Синьхуа». На рубеже XX–XXI вв. сфера культуры и образования даурских национальных авто-

номий получила новый импульс развития, вызванный масштабным строительством крупных объектов – национальных музеев, парков; оснащением школ новым высокотехнологичным оборудованием.

6. Наше изучение истории дауров показывает, что они, компактными группами расселенные в разных местах от Хулана (район р. Сунгари) до Тачэна (Синьцзян) и известные под разными именами – монголов, солонов, баргинцев, на протяжении многих веков не только не утратили свою этническую идентичность, но и сумели оказать большое влияние на соседние малые народы, в основном тунгусо-маньчжурского происхождения. Дауры не растворились в массе своих более многочисленных соседей (маньчжуров, монголов, китайцев) и благодаря упорству своей элиты, с одной стороны, и демократичной на первых порах национальной политике КПК – с другой, в 1952 г. смогли создать национальную автономию. Данный политический шаг, сделанный даурами, можно рассматривать как весомую заявку на последующее получение статуса официально признанной народности в 1956 г. Признание китайским руководством дауров в качестве отдельной от монголов народности, с одной стороны, можно трактовать как искусственное конструирование новой нации. С другой, как показывают этнографические исследования, даурская общность, имеющая общее имя, мифы, историю и культуру и обладающая чувством солидарности, все же восходит к древним или раннесредневековым монголоязычным племенам, т. е. дауры к началу XX в. не являлись частью монголов, но были родственны им. Это обстоятельство было верно подмечено руководством КНР, официально признавшим дауров в качестве самостоятельной народности в 1956 г. и выделившим им ряд национальных автономий разного уровня.

В 1912 г. даурская элита, находившаяся у руля власти в Хулун-Буире, поддержала националистическое движение монголов и, с помощью баргутов изгнав китайские войска, добилась фактической независимости региона. Расколотившись по идеологическим соображениям на две непримиримые группировки: старое чиновничество и революционную молодежь, она имела к тому же достаточно серьезные противоречия с баргутами, монгольскими повстанцами (харчинами), в зависимости от ситуации дистанцировалась и сближалась с китайскими провинциальными властями, в то же время была поддерживаема российскими военными, к тому времени неуклонно теряющими свое влияние в регионе. Попытки политического лавирования предпринимались даурами и в годы Маньчжоу-Го (1931–1945 гг.), что можно видеть на примере деятельности губернатора провинции Северный Хинган Линшэна в 1932–1936 гг. и реакции даурских офицеров в августе 1945 г. В целом в первой половине XX в. дауры явились ярким примером трансграничного народа, элита и революционная

молодежь которого могли и умели вступать в непосредственное взаимодействие (в том числе и противоборство) с разными политическими силами для сохранения независимого и/или фактического положения Хулун-Буира.

Осенью 1945 г., оказавшись перед выбором – КПК или Гоминьдан, дауры сделали верный политический шаг в сторону китайских коммунистов и, оперативно создав бригады самообороны, вступили в борьбу с гоминьдановцами и бандитскими отрядами. Эта поддержка, оказанная в судьбоносный период борьбы КПК за Маньчжурию, была достойно оценена провинциальными китайскими властями, всемерно способствовавшими появлению первой национальной автономии дауров в провинции Хэйлуцзян, а затем и в Синьцзяне. Логическим следствием этих событий стало официальное признание дауров в качестве официально признанной в КНР народности и создание последующих национальных автономий, включая современный центр даурского мира – автономный хошун Морин-Дава. На наш взгляд, во второй половине XX в. с обретением статуса официально признанной народности и развитием национальных автономий пыл националистических настроений дауров, угасая, уступает место более прагматичному видению исторического развития в русле политико-экономических реформ нового Китая под бдительным контролем КПК.

Как показывает наше исследование, дауры, равно как и многие другие народы Китая, в XX в. достойно прошли через горнило нелегких испытаний и заслужили право иметь статус официально признанной народности и национальную автономию, право иметь и писать свою собственную историю.

*Работы, опубликованные в научных изданиях,
рекомендованных ВАК РФ*

1) Цыбенков Б. Д. История создания даурского автономного хошуна Морин-Дава (1945–1958 гг.) / Б. Д. Цыбенков, Юй Шан // Известия Иркутского государственного университета. Сер. История – 2017. – Т. 22. – С. 113–123 (0,7 п. л., личный вклад – 0,5 п. л.).

2) Цыбенков Б. Д. Историография истории даурского народа (XVII – начало XXI в.) / Б. Д. Цыбенков // Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. – 2018. – Т. 23. – С. 134–143.

3) Цыбенков Б. Д. Социально-политическое развитие даурского автономного хошуна Морин-Дава в 1958–1984 гг. / Б. Д. Цыбенков // Власть. – 2018. – № 7. – С. 205–210.

4) Цыбенков Б. Д. Культура и образование дауров в первой половине XX в. / Б. Д. Цыбенков // Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. – 2018. – Т. 25. – С. 115–122.

5) Цыбенков Б. Д. Развитие сельского хозяйства даурского автономного хошуна Морин-Дава в 1980–1990-х гг. / Б. Д. Цыбенков // Власть. – 2018. – № 8. – С. 254–259.

6) Цыбенков Б. Д. Развитие сельского хозяйства в Даурском автономном хошуне Морин-Дава в 1958–1984 гг. / Б. Д. Цыбенков // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2018. – № 4(76). – С. 100–105.

7) Цыбенков Б. Д. Национальные меньшинства Китая на изломе эпох: цыцикарские дауры в 1913–1945 гг. / Б. Д. Цыбенков, Ли Пин // Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. – 2019. – Т. 27. – С. 80–89 (0,7 п. л., личный вклад – 0,5 п. л.).

8) Цыбенков Б. Д. Развитие культуры даурского автономного хошуна Морин-Дава в 1950–1980-х гг. / Б. Д. Цыбенков // Власть. – 2019. – Т. 27. – № 3. – С. 219–224.

9) Цыбенков Б. Д. Культура цыцикарских дауров в XX веке / Б. Д. Цыбенков, Ли Пин // Гуманитарный вектор. – 2019. – Т. 14. – № 3. – С. 71–79 (0,6 п. л., личный вклад – 0,4 п. л.).

10) Цыбенков Б. Д. Усиление японского влияния в Хулун-Буире в первой трети XX в. (архивные материалы) / Л. В. Курас, Б. Д. Цыбенков // Известия Иркутского государственного университета. – 2020. – № 1. – С. 71–81 (0,5 п. л., личный вклад – 0,4 п. л.).

11) Цыбенков Б. Д. От политики «четырёх чисток» к созданию ревкомов в Хулун-Буире (к реконструкции событий начального этапа «культурной революции») / Б. Д. Цыбенков, Ц. С. Очиров // Oriental Studies. – 2020. – Т. 13. – № 3. С. 493–505 (Scopus) (0,9 п. л., личный вклад – 0,4 п. л.).

12) Цыбенков Б. Д. Новый источник о взаимоотношениях Хулун-Буира и Внешней Монголии в 1912–1915 годах / Б. Д. Цыбенков // Научный диалог. — 2021. – № 2. – С. 422–435 (Web of Science).

13) Цыбенков Б. Д. Развитие культуры и образования дауров в конце XX – начале XXI в. / Б. Д. Цыбенков // Власть. – 2021. – Т. 29. – № 4. – С. 220–225.

14) Цыбенков Б. Д. Из истории развития культуры и образования национальных меньшинств Хулун-Буира в первой половине XX в. / Б. Д. Цыбенков // Власть. – 2021. – Т. 29. – № 6. – С. 298–303.

15) Цыбенков Б. Д. Народно-революционная партия Внутренней Монголии (от создания до сфабрикованного дела конца 60-х гг. XX в.) /

Б. Д. Цыбенков, Ц. С. Очиров // Власть. – 2022. – Т. 30. – № 1. – С. 258–264 (0,5 п. л., личный вклад – 0,4 п. л.).

16) Цыбенков Б. Д. Формирование монгольской интеллигенции во Внутренней Монголии Китая в начале XX в. / Л. В. Курас, Ц. С. Очиров, Б. Д. Цыбенков // Oriental Studies. – 2022. – Т. 15. – № 5. – С. 930–940 (Scopus) (0,6 п. л., личный вклад – 0,2 п. л.).

17) Цыбенков Б. Д. Китайские источники по новейшей истории дауров // Л. В. Курас, Б. Д. Цыбенков // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. – 2022. – № 4(48). – С. 122–128 (0,5 п. л., личный вклад – 0,4 п. л.).

18) Цыбенков Б. Д. Китайская историография новейшей истории даурского народа / Л. В. Курас, Б. Д. Цыбенков // Монголоведение. – 2022. – Т. 14. – № 3. – С. 473–487 (Scopus) (1,2 п. л., личный вклад – 0,8 п. л.).

Монографии и разделы монографий

19) Цыбенков Б. Д. История и культура дауров Китая: историко-этнографические очерки / Б. Д. Цыбенков; [отв. ред. Б. Р. Зориктуев]. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2012. – 252 с.

20) Цыбенков Б. Д. Дауры в составе Маньчжоу-Го / Б. Д. Цыбенков [и др.] // Маньчжоу-Го: государственно-правовое развитие, общественный строй и международное признание. – Иркутск, 2016. – С. 192–211.

21) Цыбенков Б. Д. Социально-политическая история дауров (XX в.) / Б. Д. Цыбенков. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2022. – 474 с.

Работы, опубликованные в других научных изданиях

22) Цыбенков Б. Д. Монгольские источники по истории и культуре дауров / Б. Д. Цыбенков // Языки и письменные источники монгольских народов / отв. ред. Л. Д. Шагдаров, Л. Б. Бадмаева. – Улан-Удэ, 2010. – С. 124–127.

23) Цыбенков Б. Д. Дауры Китая. Этнотерриториальные группы и языковая проблема / Б. Д. Цыбенков // Мировое культурно-языковое и политическое пространство: взгляд через столетия. Т. 1. / отв. ред. Е. В. Тихонова. – М.: РГСУ, 2010. – Т. 1. – С. 202–207.

24) Цыбенков Б. Д. Антияпонская освободительная борьба дауров и баргутов в годы Второй мировой войны / Л. В. Курас, Б. Д. Цыбенков // Иркутский историко-экономический ежегодник / редкол.: В. М. Левченко [и др.] – Иркутск : Изд-во Байкал. гос. ун-та, 2016. – С. 411–419.

25) Цыбенков Б. Д. Новые данные о разведывательной деятельности Японии и СССР в Монголии и Хулунбуири в годы Второй мировой войны / Л. В. Курас, Б. Д. Цыбенков // Власть. – 2016. – № 11. – С. 159–164.

26) Цыбенков Б. Д. Национально-освободительное движение в Хулунбуири в первой трети XX в. и визит в регион Панчен-ламы IX в. 1931 г.

/ Б. Д. Цыбенков // Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. – 2017. – Т. 21. – С. 128–135.

27) Цыбенков Б. Д. К изучению истории дауров Хулун-Буира (1911–1917) / Б. Д. Цыбенков // Иркутский историко-экономический ежегодник. – Иркутск: Изд-во Байкал. гос. ун-та, 2017. – С. 201–210.

28) Цыбенков Б. Д. Дауры на пути к национальной автономии. Очерки истории (1912–1958 гг.) / Б. Д. Цыбенков // Eurasia: Statum et legem. – 2017. – № 7. – С. 65–76.

29) Цыбенков Б. Д. Вопросы истории даурского народа первой четверти XX в. / Б. Д. Цыбенков // Сибирь в годы Великой российской революции / отв. ред. Л. Б. Жабаева. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2017. – С. 118–126.

30) Цыбенков Б. Д. Участие в Бурятском съезде 1918 г. даурского деятеля Мэрсэ / Б. Д. Цыбенков // Тармахановские чтения: Российская революция 1917 г. / отв. ред. О. Н. Полянская. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2017. – С. 32–37.

31) Цыбенков Б. Д. Буддизм и национализм во Внутренней Монголии в первой четверти XX в. / Б. Д. Цыбенков, Юй Шан // Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. – 2018. – Т. 26. – С. 109–118.

32) Цыбенков Б. Д. О времени заселения даурами территории Приамурья: новая интерпретация данных / Б. Д. Цыбенков // Вопросы истории. – 2018. – № 9. – С. 92–100 (Web of Science).

33) Цыбенков Б. Д. Развитие земледелия и скотоводства в даурских районах в первой трети XX века / Б. Д. Цыбенков // Иркутский историко-экономический ежегодник / редколл.: А. В. Шалак [и др.]. – Иркутск : Изд-во Байкал. гос. ун-та, 2018. – С. 108–116.

34) Цыбенков Б. Д. Подготовка даурских национальных кадров (1946–1982 гг.) / Б. Д. Цыбенков // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества / отв. ред. Д. В. Буяров, Д. В. Кузнецов. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2018. – С. 190–193.

35) Цыбенков Б. Д. К изучению истории и культуры дауров Синьцзяна / Б. Д. Цыбенков // Алтай – Западная Сибирь в XIX – начале XX в.: население, хозяйство, культура / отв. ред. Н. В. Екеев. – Горно-Алтайск: Изд-во НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова, 2018. – С. 159–169.

36) Цыбенков Б. Д. Национальные меньшинства Хулун-Буира в годы культурной революции: отечественная историография проблемы / Б. Д. Цыбенков, Ц. С. Очиров // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения РАН. – 2019. – № 1(33). – С. 108–115.

37) Цыбенков Б. Д. Судьбы даурских офицеров – участников антияпонских мятежей в армии Маньчжоу-Го в августе 1945 г. / Б. Д. Цыбенков, Л. В. Курас // Иркутский историко-экономический ежегодник / редколл.: А. В. Шалак [и др.]. – Иркутск : Изд-во Байкал. гос. ун-та, 2019. – С. 380–388.

38) Цыбенков Б. Д. Развитие даурского района Морин-Дава в 1950–1953 гг. / Б. Д. Цыбенков // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Вып. 9. Ч. 4 / отв. ред. А. В. Баранов. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2019. – С. 39–42.

39) Цыбенков Б. Д. Дауры в Монголии периода правления Богдо-гэгэна / Б. Д. Цыбенков // Монголоведение в современном мире: опыт исследований, перспективы развития: мат. междунар. науч. конф. «Улымжиевские чтения - X» / науч. ред. О. Н. Полянская. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2019. – С. 268–271.

40) Цыбенков Б. Д. История дауров как конструирование легендарного прошлого / Б. Д. Цыбенков // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения РАН. – 2019. – № 4(36). – С. 276–279.

41) Цыбенков Б. Д. Дауры района Бутха и создание отряда самообороны (конец 20-х – начало 30-х гг. XX в.) / Б. Д. Цыбенков // Иркутский историко-экономический ежегодник / отв. ред. А. В. Шалак [и др.]. – Иркутск: Изд-во Байкал. гос. ун-та, 2020. – С. 410–416.

42) Цыбенков Б. Д. Участие дауров в антияпонском сопротивлении (1932–1945) / Цыбенков Б. Д., Курас Л. В. // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: мат. X междунар. науч.-практ. конф. (Благовещенск – Хэйхэ, 2–4 июня 2020 г.). Вып. 10 / отв. ред. О. А. Шеломихин [и др.]. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2020. – С. 367–371.

43) Цыбенков Б. Д. В декабре 1939 г.: эпизод из партизанской антияпонской войны в Даурском районе Морин-Дава / Б. Д. Цыбенков, Л. В. Курас // Приграничный регион в историческом развитии: партнерство и сотрудничество / отв. ред. Е. В. Дроботушенко. – Чита: ЗабГУ, 2020. – С. 149–152.

44) Цыбенков Б. Д. О роли даурских деятелей Мэрсэ и Фуминтая в создании Народно-революционной партии Внутренней Монголии / Б. Д. Цыбенков // Банзаровские чтения. Ч. I. / науч. ред. В. В. Номогоева; отв. ред. О. Н. Полянская. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2022. – С. 138–140.

45) Цыбенков Б. Д. К вопросу о пребывании даурских революционеров в СССР и МНР / Б. Д. Цыбенков, Л. В. Курас // Мир Центральной Азии-V: сб. науч. ст. / науч. ред. А. П. Деревянко, Б. В. Базаров. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2022. – С. 221–223.

46) Цыбенков Б. Д. Дауры в Монголии (первая четверть XX в.) / Л. В. Курас, Б. Д. Цыбенков // Актуальные вопросы востоковедения. – 2022. – Т. 1. – № 2. – С. 143–149.

47) Цыбенков Б. Д. Культура и образование национальных меньшинств Хулун-Буира в годы Маньчжоу-Го (1931–1945) / Б. Д. Цыбенков // Приграничное сотрудничество: исторические события и современные реалии / отв. ред. Е. В. Дроботушенко, Ю. Н. Ланцова. – Чита: ЗабГУ, 2022. – С. 86–89.

48) Цыбенков Б. Д. Даурская революционная молодежь в СССР и МНР / Б. Д. Цыбенков, Л. В. Курас // Сибирь в фокусе исторических, востоковедных и правовых исследований / под ред. Д. Л. Проказина. – Барнаул: ФГКОУ ВО «Барнаульский юридический институт МВД РФ», 2022. – С. 27–30.

49) Цыбенков Б. Д. Рукопись из ГАИО «Историческая справка о непрочности политического положения Хулунбуира» как источник по истории взаимоотношений Внешней Монголии и Хулун-Буира в 1912–1915 гг. / Л. В. Курас, Б. Д. Цыбенков // Вестник Института востоковедения РАН. – 2023. – № 1(23). – С. 150–160.

50) Tsybenov B. The Case File of Aula Samdin Fumingtai: A Historical and Biographical Aspect / Bazar Tsybenov // Studia Orientalia Slovaca. – 2021. – № I. – Vol. 20. – P. 85–112 (Scopus).

Подписано в печать .03.2022.
Формат 60×84 1/16. Усл. печ. л. .
Уч.-изд. л. 13,5. Гарнитура Таймс.

Отпечатано в типографии Издательства БНЦ СО РАН
Адрес: 670047 Республика Бурятия г. Улан-Удэ,
ул. Сахьяновой, 6.